

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

---

*ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
В ЮНОСТИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
А. Модильяни «Автопортрет» (1919)*

Джойс, Джеймс.
Д42 Портрет художника в юности : [роман] / Джеймс
Джойс ; [перевод с английского М. Богословской]. —
Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Экс-
клюдивная классика).

ISBN 978-5-17-162495-8

В романе «Портрет художника в юности» впервые использованы новаторские формы повествования. Действительность увидена здесь изнутри сознания героя, через его внутренний монолог, ощущения и мысли. В центре романа — размышление о вечном одиночестве художника, о том, как важно отстаивать свою индивидуальность, независимость своего внутреннего мира.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-162495-8

© Перевод. М. Богословская,
наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

1

Et ignotas animum
dimittit in artes*.

*Овидий.
Метаморфозы,
VIII, 18*

Однажды, давным-давно, в старое доброе время, шла по дороге коровушка Му-му, шла и шла и встретила на дороге хорошенького-прехорошенького мальчика, а звали его Бу-бу...

Папа рассказывал ему эту сказку, папа смотрел на него через стеклышко. У него было волосатое лицо.

Он был мальчик Бу-бу. Му-му шла по дороге, где жила Бетти Берн: она продавала лимонные леденцы.

О, цветы дикой розы
На зеленом лугу.
Он пел эту песню. Это была его песня.
О, таритатам лозы...

Когда намочишь в постельку, сначала делается горячо, а потом холодно. Мама подкладывает клеенку. От нее такой чудной запах.

От мамы пахнет приятнее, чем от папы. Она играет ему на рояле матросский танец, чтобы он плясал. Он плясал:

Тра-ля-ля, ля-ля.
Тра-ля-ля, тра-ля-ля-ди.
Тра-ля-ля, ля-ля.
Тра-ля-ля, ля-ля.

---

* И к ремеслу незнакомому дух устремил (лат.).

Дядя Чарлз и Дэнти хлопали в ладоши. Они старее папы и мамы, но дядя Чарлз еще старее Дэнти.

У Дэнти в шкафу две щетки. Щетка с коричневой бархатной спинкой в честь Майкла Дэвитта, а щетка с зеленой бархатной спинкой в честь Парнелла. Дэнти давала ему мятный леденец всякий раз, когда он приносил ей листик папиросной бумаги.

Вэнсы жили в доме семь. У них другие папы и мамы. Это папа и мама Эйлин. Когда они вырастут большие, он женится на Эйлин. Он спрятался под стол. Мама сказала:

— Проси прощения, Стивен.

Дэнти сказала:

— А не попросишь, прилетит орел и выключит тебе глаза.

И выключит тебе глаза,
Проси прощенья, егоза,
Проси прощенья, егоза,
И выключит тебе глаза...
Проси прощенья, егоза,
И выключит тебе глаза,
И выключит тебе глаза,
Проси прощенья, егоза.

На больших спортивных площадках толпились мальчики. Все кричали, и воспитатели их громко подбадривали. Вечерний воздух был бледный и прохладный, и после каждой атаки и удара футболистов лоснящийся кожаный шар, как тяжелая птица, взлетал в сером свете. Он топтался в самом хвосте своей команды, подальше от воспитателя, подальше от грубых ног, и время от времени делал вид, что бежит. Он чувствовал себя маленьким и слабым среди

толпы играющих, и глаза у него были слабые и слезились. Роди Кикем не такой: он будет капитаном третьей команды, говорили мальчики.

Роди Кикем хороший мальчик, а Вонючка Роуч — противный. У Роди Кикема щитки для ног в шкафу в раздевалке и корзинка со сладостями в столовой. У Вонючки Роуча огромные руки. Он говорит, что постный пудинг — это месиво в жиже. А как-то раз он спросил:

— Как тебя зовут?

Стивен ответил:

— Стивен Дедал.

А Вонючка Роуч сказал:

— Что это за имя?

И когда Стивен не нашелся что ответить, Вонючка Роуч спросил:

— Кто твой отец?

Стивен ответил:

— Джентльмен.

Тогда Вонючка Роуч спросил:

— А он не мировой судья?

Он топтался в самом хвосте своей команды, делая иногда короткие перебежки. Руки его посинели от холода. Он засунул их в боковые карманы своей серой подпоясанной куртки. Пояс — это такая штука над карманами. А вот в драке о тех, кто победил, говорят: за пояс заткнул.

Как-то один мальчик сказал Кэнтуэллу:

— Я бы тебя мигом за пояс заткнул.

А Кэнтуэлл ответил:

— Поди тягайся с кем-нибудь еще. Попробуй-ка Сесила Сандера за пояс заткнуть. Я посмотрю, как он тебе даст под зад.

Так некрасиво выражаться. Мама сказала, чтобы он не водился с грубыми мальчиками в колледже. Мама такая красивая. В первый день в приемной замка она, когда прощалась с ним, слегка подняла свою вуаль, чтобы поцеловать его, и нос и глаза у нее были красные. Но он притворился, будто не замечает, что она сейчас расплчется. Мама красивая, но когда она плачет, она уже не такая красивая. А папа дал ему два пятишиллинговика — пусть у него будут карманные деньги. И папа сказал, чтобы он написал домой, если ему что-нибудь понадобится, и чтобы он ни в коем случае не ябедничал на товарищей. Потом у двери ректор пожал руки папе и маме, и сутана его разведалась на ветру, а коляска с папой и мамой стала отъезжать. Они махали руками и кричали ему из коляски:

— Прощай, Стивен, прощай.

— Прощай, Стивен, прощай.

Вокруг него началась свалка из-за мяча, и, страшась этих горящих глаз и грязных башмаков, он нагнулся и стал смотреть мальчикам под ноги. Они дрались, пыхтели, и ноги их топали, толкались и брыкались. Потом желтые ботинки Джека Лотена наподдали мяч, и все другие ботинки и ноги ринулись за ним. Он пробежал немножко и остановился. Не стоило бежать. Скоро все поедут домой. После ужина, в классе, он переправит число, приклеенное у него в парте, с семидесяти семи на семьдесят шесть.

Лучше бы сейчас быть в классе, чем здесь, на холоде. Небо бледное и холодное, а в главном здании, в замке, огни. Он думал, из какого окна Гамильтон Роуэн бросил свою шляпу на изгородь и были ли тог-

да цветочные клумбы под окнами. Однажды, когда он был в замке, тамошний служитель показал ему следы солдатских пуль на двери и дал ореховый сухарик, какие едят в общине. Как хорошо и тепло смотреть на огни в замке. Совсем как в книжке. Может быть, Лестерское аббатство было такое. А какие хорошие фразы были в учебнике д-ра Корнуэлла. Они похожи на стихи, но это только примеры, чтобы научиться писать правильно:

Уолси умер в Лестерском аббатстве,
Где погребли его аббаты,
Растения съедают черви,
Животных съедает рак.

Хорошо бы лежать сейчас на коврике у камина, подперев голову руками, и думать про себя об этих фразах. Он вздрогнул, будто по телу пробежала холодная липкая вода. Подло было со стороны Уэллса столкнуть его в очко уборной за то, что он не захотел обменять свою маленькую табакерку на игральную кость, которой Уэллс выиграл сорок раз в бабки. Какая холодная и липкая была вода! А один мальчик раз видел, как большая крыса прыгнула в жижу. Мама с Дэнти сидели у камина и дожидались, когда Бриджет подаст чай. Мама поставила ноги на решетку, и ее вышитые бисером ночные туфли нагрелись, и от них так хорошо и тепло пахло. Дэнти знала массу всяких вещей. Она учила его, где находится Мозамбикский пролив, и какая самая длинная река в Америке, и как называется самая высокая гора на Луне. Отец Арнолл знает больше, чем Дэнти, потому что он священник, но папа и дядя Чарлз оба говорили, что Дэнти умная

и начитанная женщина. А иногда Дэнти делала такой звук после обеда и подносила руку ко рту: это была отрыжка.

Голос с дальнего конца площадки крикнул:

— Все домой!

Потом голоса из младшего и приготовительного классов подхватили:

— Домой! Все домой!

Мальчики сходились со всех сторон раскрасневшиеся и грязные, и он шагал среди них, радуясь, что идут домой. Роди Кикем держал мяч за скользкую шнуровку. Один мальчик попросил поддать еще напоследок, но он шел себе и даже ничего не ответил. Саймон Мунен сказал, чтобы он этого не делал, так как на них смотрит надзиратель. Тогда тот мальчик повернулся к Саймону Мунену и сказал:

— Мы все знаем, почему ты так говоришь. Ты известный подлиза.

Какое странное слово «подлиза». Мальчик обозвал так Саймона Мунена потому, что Саймон Мунен связывал иногда фальшивые рукава на спине надзирателя Макглэйда, а тот делал вид, что сердится. Противный звук у этого слова. Однажды он мыл руки в уборной гостиницы в Уиклоу, а потом папа вынул пробку за цепочку и грязная вода стала стекать через отверстие в раковине. А когда она вся стекла потихоньку, отверстие в раковине сделало такой звук: дллизс. Только громче.

Он вспоминал это и белые стены уборной, и ему делалось сначала холодно, а потом жарко. Там было два крана, которые надо было повернуть, и тогда шла вода, холодная и горячая. Ему сделалось сначала холодно, а потом чуть-чуть жарко. И он видел слова,

напечатанные на краях. В этом было что-то странное.

А в коридоре тоже было холодно и воздух был какой-то особенный и сырой. Но скоро зажгут газ, и он будет тихонечко так петь, точно какую-то песенку. Все одну и ту же, и, когда мальчики не шумят в рекреационной зале, ее слышно.

Урок арифметики начался. Отец Арнолл написал на доске трудный пример и сказал:

— Ну, кто победит? Живей, Йорк! Живей, Ланкастер!

Стивен старался изо всех сил, но пример был очень трудный, и он сбилсся. Маленький шелковый значок с белой розой, приколотый к его куртке на груди, начал дрожать. Он был не очень силен в арифметике, но старался изо всех сил, чтобы Йорки не проиграли. Отец Арнолл сделал очень строгое лицо, но он вовсе не сердился, он смеялся. Вдруг Джек Лотен хрустнул пальцами, и отец Арнолл посмотрел в его тетрадку и сказал:

— Верно. Браво, Ланкастер! Алая роза победила. Не отставай, Йорк! Ну-ка поднатужьтесь.

Джек Лотен поглядывал на них со своего места. Маленький шелковый значок с алой розой казался очень нарядным на его синей матроске. Стивен почувствовал, что его лицо тоже покраснело, когда он вспомнил, как мальчики держали пари, кто будет первым учеником в приготовительном: Джек Лотен или он. Были недели, когда Джек Лотен получал билет первого ученика, а были недели, когда он получал билет первого ученика. Его белый шелковый значок дрожал и дрожал все время, пока он решал следующий пример и слушал голос отца Арнол-

ла. Потом все его рвение пропало, и он почувствовал, как лицо у него сразу похолодело. Он подумал, что оно, должно быть, стало совсем белым, раз так похолодело. Он не мог решить пример, но это было не важно. Белые розы и алые розы: какие красивые цвета! И билеты первого, второго и третьего учеников тоже очень красивые: розовые, бледно-желтые и сиреневые. Бледно-желтые, сиреневые и розовые розы тоже красивые. Может быть, дикие розы как раз такие; и ему вспомнилась песенка о цветах дикой розы на зеленом лугу. А вот зеленых роз не бывает. А может быть, где-нибудь на свете они и есть.

Раздался звонок, и все классы потянулись один за другим по коридорам в столовую. Он сидел и смотрел на два кусочка масла у своего прибора, но не мог есть липкий хлеб. И скатерть была влажная и липкая. Но он проглотил залпом горячий жидкий чай, который плеснул ему в кружку неуклюжий служитель в белом фартуке. Вонючка Роуч и Сорин пили какао, которое им присылали из дома в жестяных коробках. Они говорили, что не могут пить этот чай, он как помой. У них отцы — мировые судьи, говорили мальчики.

Все мальчики казались ему очень странными. У них у всех были папы и мамы и у всех разные костюмы и голоса. Ему так хотелось очутиться дома и положить голову маме на колени. Но это было невозможно, и тогда ему захотелось, чтобы игры, уроки и молитвы уже кончились и он бы лежал в постели.

Он выпил еще кружку горячего чая, а Флеминг спросил:

— Что с тобой? У тебя что-нибудь болит?

— Я не знаю, — сказал Стивен.

— Наверное, живот болит, — сказал Флеминг, — от этого ты и бледный такой. Ничего, пройдет.

— Да, — согласился Стивен.

Но у него болел не живот. Он подумал, что у него болит сердце, если только это место может болеть. Флеминг очень добрый, что спросил его. Ему хотелось плакать. Он положил локти на стол и стал зажимать, а потом открывать уши. Тогда всякий раз, как он открывал уши, он слышал шум в столовой. Это был такой гул, как от поезда ночью. А когда он зажимал уши, гул затихал, как будто поезд входил в туннель. В ту ночь в Доки поезд гудел вот так, а потом, когда он вошел в туннель, гул затих. Он закрыл глаза, и поезд пошел — гул, потом тихо, снова гул — тихо. Приятно слышать, как он гудит, потом затихает, и вот опять выскочил из туннеля, гудит, затих.

Потом мальчики старших классов построились и пошли по дорожке посреди столовой. Пэдди Рэт, и Джимми Маги, и испанец, которому разрешалось курить сигары, и маленький португалец, который ходил в шерстяном берете. Потом поднялись из-за стола младшие классы и приготовительные. И у каждого мальчика была своя, особенная походка.

Он сидел в углу рекреационной, делая вид, что следит за игрой в домино, и раз или два ему удалось услышать песенку газа. Надзиратель стоял у двери с мальчиками, и Саймон Мунен завязывал узлом его фальшивые рукава. Он рассказывал им что-то о Таллабеге.

Потом он отошел от двери, а Уэллс подошел к Стивену и спросил:

— Скажи-ка, Дедал, ты целуешь свою маму перед тем, как лечь спать?

— Да, — ответил Стивен.

Уэллс повернулся к другим мальчикам и сказал:

— Слышите, этот мальчик говорит, что он каждый день целует свою маму перед тем, как лечь спать.

Мальчики перестали играть и все повернулись и засмеялись. Стивен вспыхнул под их взглядами и сказал:

— Нет, я не целую.

Уэллс подхватил:

— Слышите, этот мальчик говорит, что он не целует свою маму перед тем, как лечь спать.

Все опять засмеялись. Стивен пытался засмеяться вместе с ними. Он почувствовал, что ему стало сразу жарко и неловко. Как же надо было ответить? Он ответил по-разному, а Уэллс все равно смеялся. Но Уэллс, верно, знает, как надо ответить, потому что он в третьем классе. Он попробовал представить себе мать Уэллса, но боялся взглянуть Уэллсу в лицо. Ему не нравилось лицо Уэллса. Это Уэллс столкнул его накануне в очко уборной за то, что он не захотел обменять свою маленькую табакерку на его игральную кость, которой он сорок раз выиграл в бабки. Это было подло с его стороны, все мальчики так говорили. А какая холодная и тинистая была вода! А один мальчик раз видел, как большая крыса прыгнула — плюх! — прямо в жижу.

Холодная тина проползла по его телу, и, когда прозвонил звонок на занятия и классы потянулись из рекреационной залы, он почувствовал, как холод-

ный воздух в коридоре и на лестнице забирается ему под одежду. Он все еще думал, как нужно было ответить. Как же нужно — целовать или не целовать маму? Что значит целовать? Поднимешь вот так лицо, чтобы сказать маме «спокойной ночи», а мама наклонит свое. Это и есть целовать. Мама прижимала губы к его щеке, губы у нее мягкие, и они чуть-чуть охладили его щеку и издавали такой коротенький тонкий звук: пц. Зачем это люди прикладываются так друг к другу лицами?

Усевшись на свое место, он открыл крышку парты и переправил число, приклеенное внутри, с семидесяти семи на семьдесят шесть. Рождественские каникулы были еще так далеко, но когда-нибудь они придут, потому что ведь Земля все время вертится.

На первой странице его учебника географии была нарисована Земля. Большой шар посреди облаков. У Флеминга была коробка цветных карандашей, и однажды вечером во время пустого урока Флеминг раскрасил Землю зеленым, а облака коричневым. Это вышло как две щетки у Дэнти в шкафу: щетка с зеленой бархатной спинкой в честь Парнелла и щетка с коричневой бархатной спинкой в честь Майкла Дэвитта. Но он не просил Флеминга раскрашивать в такие цвета. Флеминг сам так сделал.

Он открыл географию, чтобы учить урок, но не мог запомнить названий в Америке. Все разные места с разными названиями. Все они в разных странах, а страны на материках, а материки на Земле, а Земля во Вселенной.

Он опять открыл первую страницу и прочел то, что когда-то написал на этом листе: вот он сам, его фамилия и где он живет.

*Стивен Дедал
Приготовительный класс
Клонгоуз Вуд Колледж
Сэминз
Графство Килдер
Ирландия
Европа
Земля
Вселенная*

Это было написано его рукой, а Флеминг однажды вечером в шутку написал на противоположной странице:

*Стивен Дедал — меня зовут,
Родина моя — Ирландия,
Клонгоуз — мой приют,
Небо — моя надежда.*

Он прочел стихи наоборот, но тогда получились не стихи. Тогда он прочитал снизу вверх всю первую страницу и дошел до своего имени. Вот это он сам. И он опять прочел все сверху вниз. А что после Вселенной? Ничего. Но, может быть, есть что-нибудь вокруг Вселенной, что отмечает, где она кончается и с какого места начинается это ничего? Вряд ли оно отгорожено стеной; но может быть, там идет вокруг такой тоненький ободок. Все и везде — как это? — даже подумать нельзя. Такое под силу только Богу. Он попытался представить себе эту огромную мысль, но ему представлялся только Бог. Бог — так зовут Бога, так же как его зовут Стивен. Dieu — так будет Бог по-французски, и так тоже зовут Бога, и, когда кто-нибудь молится Богу и говорит Dieu, Бог сразу понимает, что это молится француз. Но хотя у Бога

разные имена на разных языках и Бог понимает все, что говорят люди, которые молятся по-разному на своих языках, все-таки Бог всегда остается тем же Богом, и его настоящее имя Бог.

Он очень устал от этих мыслей. Ему казалось, что голова у него сделалась очень большой. Он перевернул страницу и сонно посмотрел на круглую зеленую Землю посреди коричневых облаков. Он начал раздумывать, что правильнее — стоять за зеленый цвет или за коричневый, потому что Дэнти однажды отпорол ножницами зеленый бархат со щетки, которая была в честь Парнелла, и сказала ему, что Парнелл — дурной человек. Он думал — спорят ли теперь об этом дома? Это называлось политикой. И было две стороны: Дэнти была на одной стороне, а его папа и мистер Кейси — на другой, но мама и дядя Чарлз не были ни на какой стороне. Каждый день про это что-нибудь писали в газетах.

Его огорчало, что он не совсем понимает, что такое политика, и не знает, где кончается Вселенная. Он почувствовал себя маленьким и слабым. Когда еще он будет таким, как мальчики в классе поэзии и риторики? У них голоса как у больших и большие башмаки, и они проходят тригонометрию. До этого еще очень далеко. Сначала будут каникулы, а потом следующий семестр, а потом опять каникулы, а потом опять еще один семестр, а потом опять каникулы. Это похоже на поезд, который входит и выходит из туннеля, и еще похоже на шум, если зажимать, а потом открывать уши в столовой. Семестр — каникулы; туннель — наружу; гул — тихо; как это еще далеко! Хорошо бы скорей в постель и спать. Вот только еще молитва в церкви — и в постель. Его зазно-